

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ПРЕПЯТСТВИЯХ ЮРИДИЧЕСКОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Современная политико-экономическая ситуация в контексте десинхронизации процессов глобализации характеризуется четким разделением мирового сообщества на несколько политических кластеров. Причиной такого разделения, безусловно, является борьба за влияние ведущих мировых держав на экономических рынках и в политических процессах. При этом очевидно, что борьба происходит в том числе с использованием юридических средств и инструментов.

Важное место в этой системе занимает юридическая практика. В сфере публичного права национальная юридическая практика следует в фарватере политических форм-факторов¹ с позиции субъективно-государственного учета положений международного права (возможно, точнее будет сказать — права международных договоренностей), что вполне объяснимо. В сфере же частного права, исходя из того, что имеет место экономический (внегосударственный) интерес, законодательство и правоприменительная практика должны быть подвержены влиянию таких форм-факторов в гораздо меньшей степени. Однако политическая действительность демонстрирует прямую зависимость частного права от публичных интересов. В связи с этим следует обратить внимание на два обстоятельства, затрудняющие глобализационные процессы.

1. Одним из примеров того, как публичные интересы (как внутри-, так и внешнеполитические) оказывают деструктивное влияние на частное право, является введение так называемых экономических санкций. Они способны существенно ограничить сферу имущественных (если шире — гражданско-правовых) интересов. Так, ограничивается поливариантность экономических

¹ Кузьмин А. В. Форм-факторы международного права как основание следования национальным интересам // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего : XVII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 18–20 мая 2017 г. СПб. : СПбГУП, 2017. С. 494–498.

правоотношений. Из персональной составляющей его структуры могут исключаться субъекты (например, введение так называемых личных санкций исключает участие конкретных персон в некоторых правоотношениях: невозможно стать заемщиком, вкладчиком, продавцом, покупателем и т. п.) и объекты (невозможно сформировать правоотношения с определенным объектом, имеющим нежелательные место производства, место происхождения, свойства и т. п.) или содержание (из структуры субъективного права исключается какая-либо возможность — например, право распоряжаться собственностью, право на свободное передвижение и т. п.).

2. Сложившаяся глобальная система предполагает формирование особой позитивной конструкции правоприменительной результативности — юрисдикции ограниченного признания. В качестве примера можно привести использование для защиты субъективного права норм иностранного права, закрепленных в заведомо узкопризнаваемой юрисдикции. Например, использование для разрешения различных юридических споров законодательства непризнанных (ДНР, ЛНР, ПМР) и частично признанных (Абхазии, Южной Осетии, Нагорно-Карабахской Республики, Косово) государств, а также непризнаваемых юрисдикций.

Так, при вынесении решения по делу № 2-100/2016 от 24 марта 2016 года Кимовский городской суд Тульской области применил положения Гражданского кодекса Приднестровской Молдавской Республики, легализовав его применение официальной позицией России (по умолчанию) о непризнании ПМР и одновременно сославшись на применение в Молдавии ст. 41 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 года. При этом юридическое противоречие формального публичного и неформального частного права выразилось не только в применении ГК ПМР и допущении использования в качестве иностранной валюты приднестровского рубля, но и в неприменении в данной ситуации ГК Молдавии. Более того, текст судебного решения вообще

не содержит отсылок к молдавскому праву и ограничивается отсылками к приднестровскому.

Особое место в этой системе факторов занимает проблема применения российскими судами законодательства Украины применительно к отношениям, возникшим до вхождения в состав Российской Федерации Республики Крым и города федерального значения Севастополя. Очевидно, что для российской правовой системы данный юридический факт не представляет особой процессуальной сложности. Важно лишь учитывать момент возникновения правоотношений и применять к ним соответствующую юрисдикцию. Однако признание юридической силы таких решений за пределами Российской Федерации вызывает определенные проблемы. То есть юридическая сила решений крымских и севастопольских судов для российского правового поля очевидна, в то время как в зарубежном поле она полностью отрицается.

Так, ч. 3 ст. 9 Закона Украины «Об обеспечении прав и свобод граждан и правовой режим на временно оккупированной территории Украины» устанавливает: «Любой акт (решение, документ), выданный органами и/или лицами, предусмотренными частью второй настоящей статьи, является недействительным и не создает правовых последствий»². А в ч. 2 данной статьи устанавливается: «Любые органы, их должностные и служебные лица на временно оккупированной территории и их деятельность считаются незаконными, если эти органы или лица созданы, избраны или назначены в порядке, не предусмотренном законом».

Отметим в этом контексте, что в 2014–2019 годах доля принятых решений с учетом украинского права составила 26 % от общего количества решений российских судов с использованием в мотивировочной части прямых отсылок на применение иностранного права. Причем в структуре этих 26 %

² Закон України от 15.04.2014 № 1207-VII «Про забезпечення прав і свобод громадян та правовий режим на тимчасово окупованій території України» (ред. від 04.11.2018) // Інформаційно-пошукова система «Законодавство України». URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1207-18#n2> (дата обращения: 10.03.2018).

судебных решений, значительная доля (22,5 %) принимается в связи с отношениями, возникшими в период нахождения Крыма и Севастополя в украинской юрисдикции. Конечно, вряд ли можно с безусловной статистической точностью продемонстрировать распределение по иностранным юрисдикциям случаев применения иностранного права в отечественных судебных решениях. Однако и использованный метод с выборкой в 200 судебных решений судов первой инстанции, в которых было применено иностранное право, позволяет говорить об устойчивой тенденции в рассматриваемом вопросе.

Представляется логичным сделать следующие выводы:

1. Правовое обеспечение процессов глобализации на национальном уровне демонстрирует жесткую зависимость частного права, направленного в перспективе на глобализацию законодательства и правоприменительной практики, от публичных интересов, декларируемых государством.

2. Факторами, препятствующими реализации идеи юридической глобализации, выступают:

а) институт введения и реализации так называемых экономических санкций;

б) существование узкопризнаваемых юрисдикций.